

А. А. НЕПОМНЯЩИЙ
A. A. NEPOMNYASHCHY

**К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
К. Э. ГРИНЕВИЧА НА КЕРЧЕНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ
В 1924 ГОДУ**

**ON THE HISTORY OF K. E. GRINEVICH'S ARCHAEOLOGICAL
EXPEDITION TO THE KERCH PENINSULA IN 1924**

Разработка интересной линии в истории крымоведения – К. Э. Гриневич и Керчь – привела к неожиданным открытиям не только для освещения «темных» страниц прошлого Керченского музея древностей в революционное лихолетье, но и для восстановления уникального опыта организации выживания интеллигенции в сложных условиях гражданской войны, истории высшего образования в регионе [Непомнящий, 2019; Непомнящий, 2020; Виноградов, 2021]. В связи с неординарной ролью исследователя в развитии исторического крымоведения в области археологии, организации науки, в частности музейного дела в регионе и в целом в СССР, любой новый документ, способствующий дополнительному раскрытию биографии ученого, представляет особенный интерес и способствует ликвидации лакун при воссоздании его творческого пути.

Время его директорства Гриневича в Керченском музее древностей (1919–1921 гг.) закончилось фактически его бегством из приморского города в июле 1921 года [Непомнящий, 2017, с. 119–120]. Дождавшись установления регулярного железнодорожного сообщения со столицами, он бросил музей древностей на произвол судьбы. Оформив отпуск, К. Э. Гриневич выехал в Петроград [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 48–49, 53–54]. В Керчь историк не вернулся и тем самым вызвал понятное неприятие его поступка со стороны руководства курировавшей музей Российской академии истории материальной культуры. Этот факт биографии Гриневича на долгие годы испортил его отношения с археологами из РАИМК–ГАИМК. Возвратившись в Петроград, Константин Эдуардович восстановился в должности преподавателя по кафедре археологии Петроградского государственного университета. В своих анкетах он указывал, что одновременно состоял сверхштатным научным сотрудником Российской академии истории материальной культуры [СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 192, л. 111].

На протяжении 1922–1923 годов в Петрограде К. Э. Гриневича не покидало желание продолжать начатые в суровые годы лихолетья исследования античных городов Боспора. Он договорился с руководством вуза об организации археологической экспедиции от Петроградского университета. Она должна была совмещаться со студенческой археологической практикой. Реализация этой программы намечалась с

сезона 1924 года. это время стало знаковым в биографии Константина Гриневича. Именно в 1924 году историк был назначен Наркоматом просвещения Крымской АССР уполномоченным по делам музеев Севастопольского района и заведующим Херсонесским археологическим музеем. Молодой археолог переехал в Севастополь. Этот рубежный период его биографии малоизучен. Выявленные нами документы, относящиеся к этому яркому году жизни крымоведа, позволяют раскрыть неизвестные моменты его жизни, восстановить линии коммуникаций при возвращении Константина Эдуардовича в крымскую научную среду уже в иных (советских) реалиях.

В январе 1924 года К. Э. Гриневич на средства, выделенные университетом, совершил поездку в Керчь, где составил перспективные планы работ в археологический сезон этого года для отдельной экспедиции университета под его руководством. Для согласования археологических исследований в КрымОХРИСе Константин Эдуардович побывал и в Симферополе, где получил разрешение от руководителей этого памятникоохранного ведомства. Состоявшаяся беседа с руководителем КрымОХРИСа А. И. Полкановым во многом стала определяющей для дальнейшей судьбы Гриневича. Понимая, что в Российской академии истории материальной культуры его инициативы не встретят поддержки, Гриневич обратился за разрешением в Археологический подотдел Музейного отдела Наркомпроса РСФСР. Да, собственно, именно московские чиновники принимали решение. От петроградских товарищей требовались лишь научные рекомендации, без коих можно было обойтись.

Заметим, что если в досоветские времена без специалистов из Археологической комиссии невозможно было решить вопрос о получении Открытого листа, то ко времени описываемых событий ситуация была иная. В стране появился новый орган, курирующий археологические исследования. Им стал Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения РСФСР. Произошло разделение научной и административной функции в археологии между Российской академией истории материальной культуры (бывшей Археологической комиссией), которая продолжала осуществлять научное курирование всех археологических изысканий, и Наркомпросом РСФСР, который выдавал разрешения на раскопки (Открытые листы). Внутри Наркомпроса непосредственно выдачей Открытых листов занимался Археологический подотдел Музейного отдела [Сорокина, 2019, с. 101–102]. Этим учреждение с момента учреждения руководил крупнейший российский археолог Василий Алексеевич Городцов (1860–1945). К нему и обратился Гриневич в январе 1924 года, возвращаясь в Ленинград из Керчи, воспользовавшись пересадкой в Москве.

«В Археологический подотдел Отдела по делам музеев Наркомпроса.

Преподавателя по кафедре археологии Петроградского государственного университета Константина Эдуардовича Гриневича

заявление.

Настоящим прошу выдать мне Открытый лист на производство археологиче-

ского обследования побережья Керченского пролива (крымского берега) в течение лета 1924 года. Задача обследования состоит в выявлении всех городищ, курганов и валов, которые имеются налицо, составлении точных планов городищ, добычании монолитов для последующего научного изучения и в конечном результате, в составлении эскиза археологической карты. Помощь обещал проф. Петр [оградского] ун-та К. В. Кудряшев, работающий в области древней русской истории и ассистент Географического института И. И. Бобков [так в тексте – *А. Н.*], по специальности геоморфолог и топограф. Обещано участие трех студентов Университета, моих слушателей. Обозначена точная фото- и топографическая съемка. Настоящая задача является неотложно-необходимой, так как ежегодно море наступает во многих местах на берег, унося драгоценные следы городищ и др. остатков старины, а также многие городища заселяются. Местность мне хорошо известна, так как в течение двух лет я заведовал Керченским музеем древностей, проводил систематическое обследование края.

В настоящий момент я нахожусь проездом в Москве из Керчи, куда ездил в научную командировку от Петроградского университета, и как раз произвел на месте осмотр (пешеходный) всего побережья пролива (от Опука до хутора Осовина и от Тамани до Зеленской горы), чтобы выяснить все предварительные вопросы археологического обследования. Таким образом, предварительная работа уже исполнена.

В случае, если состоится археологическая раскопная экспедиция в эти места, просил бы иметь нас ввиду, как научных сотрудников.*

К. Гриневич.

Петроград, ул. Халтурина, 5.

Москва, 18 января 1924.

*Примечание.

Обращаюсь непосредственно в Археологический отдел, минуя Российскую академию истории материальной культуры, потому (и на это просил бы обратить внимание), что она создает условия, невыносимые для работы и работника. Квалифицированных и давно работающих археологов Академия выбрасывает за борт, распыляя таким образом силы и представляет собой не центр научной работы, а арену столкновения личных интересов и игры самолюбия. Само собой разумеется, в подобной обстановке невозможно плодотворно работать» [ИИМК РАН НА РО, ф.2, оп. 1 (1924 г.), д. 171, л. 1–1 об.]

Письмо предоставляет информацию о составе научных работников планируемой экспедиции. Кроме самого К. Э. Гриневича там обозначены специалисты по исторической географии и картографии. Упомянутый Константин Васильевич Кудряшев (1885–1962) – выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1911 г.), ученик академика С. Ф. Платонова. Профессором, как указал Гриневич, в момент написания письма он не являлся. С 1923 года К. В. Кудряшев работал в Петроградском гос. университете научным сотрудником разряда русской истории факультета общественных наук. С 1925 года

историк перешел на должность доцента (до 1929 г.) исторического факультета и только с 1931 года занял в Ленинградском гос. университете должность профессора. Возможно, К.Э. Гриневич так назвал коллегу зная о его прежней должности. В 1918–1922 годах К. В. Кудряшев выполнял обязанности доцента, затем профессора, а в 1920–1922 годах также руководил Восточным отделением внешних сношений Восточно-Сибирского университета, открытого в 1918 году в Иркутске. Константин Васильевич являлся не только специалистом в области древнерусской истории и истории России конца XVIII – первой половины XIX века, но и, что было в данных условиях важным, исторической географии. Именно он стал автором больших настенных карт, отдельных карт по древнерусской географии в «Новой энциклопедическом словаре», популярного в стране издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, консультантом-редактором по историческим картам в «Большой» и «Малой» Советских энциклопедиях [ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 10618, л. 3–9].

Фамилию географа Ивана Ивановича Бабкова (1891–1971) Гриневич искал. Правильное написание через «а». Уроженец Симферополя, И. И. Бабков много лет отдал изучению Крыма и стоял у истоков основания Крымского филиала Всесоюзного географического общества. Он служил в учрежденном в 1918 году в Петрограде Географическом институте – первом специализированном учебном заведении в России в области наук о Земле. Через семь лет этот вуз вошёл в состав Ленинградского гос. университета. В течение 53 лет на географическом факультете Ленинградского госуниверситета ученый читал курсы лекций по геоморфологии, физической географии и ежегодно проводил со студентами полевые практики в Крыму [ЦГА СПб., л. 5–8]. Консультации знатока географии были необходимы К.Э.Гриневичу при составлении заявленной археологической карты района.

Открытый лист К. Э. Гриневич получил без каких-либо проблем. Об этом свидетельствует его записка в ГлавМузей от 3 апреля 1924 года:

«В ГлавМузей.

Преподавателя Ленинградского

государственного университета К. Э. Гриневича
заявление.

Настоящим сообщаю, что Открытый лист на право обследования Керченского полуострова и побережья Керченского пролива за № 1779 от 1 марта 1924 г. мною получен, за что приношу благодарность.

К. Гриневич

3/IV 1924 г.» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 171, л. 8].

Очевидно, весной между К. Э. Гриневичем и руководившим Крымским отделом по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта А. И. Полкановим прошли консультации о возможности для Гриневича возглавить отдел по делам музеев Севастопольского района. Щекотливость ситуации была в том, что Гриневич должен был сменить на посту его давнего знакомого и коллегу Л. А. Моисеева, который сыграл ключевую роль в его судьбе.

Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946), возглавивший в годы Гражданской войны, когда регион был надолго оторван от Петрограда, Археологическую комиссию, подчиненную Управлению народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, сыграл основную роль в деле получения К.Э.Гриневичем должности директора Керченским музея древностей в 1919 году. Тогда Константин Эдуардович находился на грани выживания и помощь Л.А.Моисеева была бесценной [Непомнящий, 2017, с. 112–114]. С ноября 1920 года при новой власти Л.А.Моисеев получил должность заведующего Севастопольским комитетом по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта. В 1923 году в Севастополе появился комиссованный из ОГПУ по состоянию здоровья Ян Петрович Бирзгал (1898–1968), который возглавил Севастопольское музейное объединение. Бывший чекист, имевший контакты в ОГПУ, быстро нашел недочеты в работе Моисеева и сообщил в силовое ведомство о его якобы «финансовых злоупотреблениях» – незаконное возвращение конфискованных ценностей их владельцам, «хаотическое состояние» фондов Музея Севастопольской обороны и Археологического музея в Херсонесе, перерасход казенных средств [Прохорова, 2023, с. 138–139]. В столь сложной ситуации Гриневич принял решение на переезд в Севастополь. Первый месяц он работал в Херсонесе совместно с Л.А. Моисеевым. Л.А.Моисеев был арестован в июле 1924 года и около полугода провел в заключении. После освобождения из тюрьмы ученый не мог вернуться на работу, так как следствие продолжалось до октября 1926 года.

В данных обстоятельствах запланированная экспедиция в керченском районе теряла интерес. Поэтому археолог в июне вновь обратился к В. А. Городцову:

«В Археологический отдел Главнауки

К. Э. Гриневича

заявление.

В виду того, что мной принято предложение КрымМузея занять должность уполномоченного по делам музеев Севастопольского района, я не смогу провести разведки в Керченском районе и настоящим обращаюсь с просьбой переменить в выданном мне Открытом листе адрес археологических разведок: вместо Керченского района – Западный угол Крыма, так называемый «Гераклеяский полуостров» включая и Херсонес. Со мной (через месяц) будут работать 8 студентов Ленинградского университета и Географического института, которые подготовлены мной в течение зимы путем специальных семинарских штудий.

По приезду в Севастополь я предполагаю организовать «Семинарий по изучению Херсонеса» с привлечением местных работников.

К. Гриневич.

Москва. 13/VI 1924 г. (проездом).

Р. С. Моя задача – составление археологической карты района и мною раскопок производиться не будет, только разведки.

Севастополь – Музей Севастопольской обороны. Екатерининская, 9» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 171, л. 9].

По стилю письма можно заметить, как поменялась риторика Гриневича. Он, скорее, не просит, тем более не рассказывает о невнимании к его персоне, а ставит курирующую организацию в известность о перемене планов. При этом изменение участка для работ по составлению археологической карты представлялось ему формальностью. Константин Эдуардович, имевший явную поддержку крымском наркомпросе, был уверен в результате – ему пойдут на встречу. Он делился с руководителем Археологического подотдела планами о создании всероссийского научного центра – Семинария по изучению Херсонеса. Эта идея представлялась новому уполномоченному Крыммузея по Севастополю более масштабной, чем предложенная еще в ноябре 1921 года Л. А. Моисеевым мысль об открытии на базе Херсонесских раскопок Научно-исследовательской станции в Херсонесе [ГАРФ, ф. А-2307, оп. 3, д. 316, л. 330–330 об.]. Однако, на обороте данного документа имеется размашистая резолюция заведующего Археологическим подотделом: «Просьбу отклонить. Заведующий подотделом В. А. Городцов. 27 июня 1924 г.» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 171 л. 9 об.]. К. Э. Гриневичу ничего не оставалось, как ехать проводить археологические разведки и составлять археологическую карту на Керченском полуострове.

О произведенных им работах дает общее представление отправленный в РАИМК отчет: «Археологические разведки, произведенные летом 1924 года в Керченском районе на основании Открытого листа за № 1779, выданного Академическим центром 1 марта 1924 года на имя К. Э. Гриневича.

Краткий отчет.

Настоящий краткий отчет преследует исключительно цель своевременно информировать Археологический подотдел Главнауки о произведенной научно-исследовательской работе. Когда я получу из работы большой археологический план с нанесения на нем всех результатов нашей работы и продемонстрирую фотографии и модели мест разведок – тогда я представлю полный отчет о наших работах этого лета. Самые же необходимые сведения о ходе разведок мною даются в этом кратком отчете, – достаточно, впрочем, полные для нарисования общей картины исследовательской работы. После этого предисловия перейду к ознакомлению и плану моих керченских разведок.

Археологические разведки в Керчи, произведенные летом 1924 года, являются продолжением моих работ в этой же области целого ряда лет. (Начиная с 1915 г.). Моей задачей было поставить во весь рост картину хозяйственной и военно-политической жизни древнего полу-варварского, полу-греческого Боспорского царства. Ближайшей задачей этого лета я поставил себе конкретное выявление с геодезическим инструментом и лопатой в руке, и, прибавлю, без копейки субсидии от кого бы то ни было... древних военно-стратегических сооружений, следы которых были заметны в окрестностях Керчи. Меня интересовал древний вал, проходящий около вокзала через так называемый «Золотой курган», находящийся в горной цепи, представляющей продолжение горы Митридата. Моей задачей было:

1. Научно выявить вал от его начала до его конца со всеми сопутствующими ему подробностями. (т. е. имею в виду геодезическую съемку вала и древностей по его пути с нанесением на специальную карту всего констатированного). Другими словами, я хотел совершить всю черную работу археолога, чтобы ею освободить в дальнейшем археолога от скрупулезных исследовательских работ и дать материал для плодотворных построений в области истории материальной культуры.

2. Собрать данные для научной датировки вала.

3. Построить картину экономической и военно-политической истории Боспорского царства.

В этих направлениях и была мною предположена и была проведена исследовательская работа, которая велась без предшественников в этом деле, т. е. пионерским путем. Для наилучшей подготовки этого вопроса я воспользовался стенами Ленинградского гос. университета, где в течение зимы и весны 1923–1924 гг. я прочел специальный курс «Археологическая топография побережья Керченского пролива». Меня слушало 10 человек, предполагавшие ехать со мною в Керчь. К сожалению, 6 человек отпали по техническим причинам, но 3 студента преодолели все трудности финансового характера (каждый ехал за свой счет) и поехали в Керчь. Эти сотрудники, помимо чистого археологической подготовки, имели сноровку в обращении с землемерными инструментами. Их имена:

1. Г. Д. Белов, студент, ныне окончивший Ленинградский университет;

2. Н. В. Эмлер, студентка;

3. Е. А. Янсон, студентка Академии художеств.

Работа была совершена в течение 15 дней, причем был трехдневный вынужденный перерыв, в следствие препятствий, которые начали чинить нам сотрудники местного отдела ГПУ, и которые были ликвидированы благодаря разрешению, полученному от ГПУ Крыма. В течение вышепоказанного времени мы с геодезическими инструментами, лопатами и фотографическим аппаратом прошли вал на всем его протяжении от Азовского моря до Черного, вернее, до залива этого Черного моря – нынешнего Чурубашского озера, а всего почти 30 верст. Осложняло работу то обстоятельство, что каждый раз на ночлег приходилось возвращаться в Керчь, пользоваться утренним или вечерним Солнцем для искания совершенно уничтоженных следов вала, а также затрудняли нас южные жары, стоявшие в это время. Надо заметить, что работа производилась в конце июля и начале августа!...

Работа началась, как показывает прилагаемым при сем дневник работ [рукой В. А. Городцова здесь поставлен знак вопроса, так как дневника К. Э. Гриневич не предоставил – А. Н.] с пункта наиболее близкого к Керчи – с Золотого кургана, причем этот памятник занял наше внимание: был нами составлен специальный план Золотого кургана с нанесением всей линии видимого горизонта для наилучшей ориентировки. Одновременно с этим была произведена разведка прилежащей кургану местности и даже для доказательства искусственности окружающих курган с севера терраса была произведена в 3 местах раскопка до материка. На основании

всех этих работ Е. Янсон вылепила по моим указаниям модель курганов из глины с показанием возможной реставрации кургана. Фотография этой модели, хранящейся ныне в Керченском музее, при сем прилагается. [Последние слова подчеркнуты В.А.Городцовым волнистой линией и поставлен знак вопроса – А. Н.].

Далее наша работа заключалась в систематическом «искании» во многих местах почти исчезнувшего вала, а также в фиксации найденного на плане. Подводя итог нашей двухнедельной работе, позволю себе, конкретности и краткости ради, сделать следующие научные выводы:

1. Впервые нанесен на карту на основании тщательного исследования древний вал и ров, идущий от Азовского до Черного моря и проходящий через Золотой курган в 3 верстах от Керчи, общей длиной около 30 верст.

2. Впервые установлена связь Золотого кургана с валом и установлена возможная датировка облицовки кургана (в системе «полигональной» кладки типа микенской) эпохой позднего эллинизма и господством римлян. Золотой курган – звено, часть системы укрепления Боспорского царства.

3. Получена приблизительная, но вполне научно обоснованная датировка 10 древних городищ, встреченных на пути вала, а также датировка на основании отношения вала к курганам цепи Юз-Оба, которые датированы эпохой конца IV столетия до РХ.

4. Кроме основного вала был обнаружен второй, параллельный основному, идущий по Керченской степи от Катерлезских гор до Золотого кургана.

Мои исследования я еще не окончил. Мне необходимо ознакомиться с целым рядом таких же памятников в окрестностях Керчи, о которых пока что я знаю только понаслышке. Настоящим заканчивая свой краткий отчет, прошу дать мне возможность закончить свои керченские работы, чтобы иметь возможность нарисовать полную картину истории, экономики и социально-политической жизни Боспора, – картину, до сих пор не написанную.

Ленинград.

8 декабря 1924 года [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 171, л. 17–19].

Просматривая отчеты за прошедший археологический сезон 27 марта 1925 года В. А. Городцов приписал: «Нет дневника и нет чертежей – В. А. Г.». Спустя четыре года Отто Николаевич Бадер (1903–1979), интересовавшийся археологическими исследованиями в район Керчи, сделал еще одну приписку: «Означенного дневника и чертежей не имеется и по сей день. 12/VII – 29. О. Бадер» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 171, л. 19]. Это и понятно – руководящему работнику Музейного отдела Наркомата Просвещения РСФСР К. Э. Гриневичу тогда уже было не до этого [см. подробнее: Непомнящий, 2023].

К. Э. Гриневич упомянул трех сотрудников своей экспедиции, проходившей в 1924 году в окрестностях Керчи. Причинами «технического характера», отсеявших от участия в экспедиции основную часть слушателей его курса «Археологическая топография побережья Керченского пролива», который он успел прочесть в Ленинградском

гос. университете до увольнения, стал отказ университета в финансировании. Среди поехавших за свой счет оказались интересные люди. Указанный первым Григорий Дмитриевич Белов (1898–1979) в 1924 году окончил факультет общественных наук Ленинградского гос. университета. В студенческие годы в Петрограде он с 1922 года преподавал в школе на Выборгской стороне на проспекте Карла Маркса. Знакомство и работа с Гриневичем оказали определяющее влияние на его судьбу. С декабря 1925 года он уже служил сотрудником Херсонесского музея. С 1926 года Белов проводил самостоятельные раскопки, став вскоре заместителем директора, а в 1931–1933 годах – директором Херсонесского музея. С июня 1938 года Г. Д. Белов переехал на работу в Государственный Эрмитаж – античный отдел, где являлся хранителем античной скульптуры и материалов, поступивших из Херсонеса, руководил греко-римским отделением [Калашник, 2005, с. 110–112].

«Студентка Академии художеств» Елена Александровна Янсон (1890–1971), указанная третьей, стала известным советским скульптором, художником и супругой выдающегося советского скульптора М. Г. Манизера. Она обучалась на скульптурном факультете Высшего художественно-технического института, как раз у своего будущего мужа.

К. Э. Гриневич широко разрекламировал в научной и научно-популярной периодике свои работы в керченском районе археологического сезона 1924 года [Гриневич, 1924а; Гриневич, 1924б]. 2 октября он все-таки получил новый Открытый лист на два месяца для проведения работ уже на Гераклеяском полуострове [8, л. 15]. Начался новый период творческой биографии исследователя – служба в Херсонесе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю. А. Эюд к истории Керченского музея на грани эпох (1918–1921) // Боспорские исследования. 2021. Вып. 43. С. 277–305.
- Гриневич К. Археологические исследования в Керчи // Новый Восток. 1924а. № 6. С. 524–525.
- Гриневич К. Э. Новейшие раскопки в Крыму, лето 1924 года // Красный журнал для всех. 1924б. № 11. С. 847–854.
- Гриневич К. Новый подход к Херсонесу // Красный Крым. 1924в. № 162(1080).–18 июля. С. 5.
- Калашник Ю. П. Г. Д. Белов (1898–1979) // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 63. С. 110–113.
- Непомнящий А. А. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К.Э.Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3(69), № 2. С. 111–122.
- Непомнящий А. А. Профессор Митрофан Довнар-Запольский: крымские страницы биографии // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 175–185.
- Непомнящий А. А. Боспорский университет: «Необходимость создания такого центра является сейчас насущной потребностью» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2020. Вып. 72. С. 391–404.
- Непомнящий А. А. Советская историческая наука в зеркале личных связей: переписка К.Э.Гриневича и С. Ф. Платонова (1927–1929) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки». 2024. Т. 26, № 2. С. 181–193.

- Прохорова Т. А. «Дорогой мой Котуська»: неизвестное письмо Лаврентию Алексеевичу Моисееву // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: матер. науч. конф. Севастополь, 18–22 сент. 2023 г. / Гос. ист.-арх. музей-заповедник «Херсонес Таврический»; Под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева. Севастополь; М.: Буки Веди, 2023. С. 137–142.
- Сорокина И. А. Работа археологического подотдела в системе Наркомпроса РСФСР в 1923–1926 годах: планы и реальность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Вып. 4. С. 101–108.

REFERENCES

- Vinogradov YU. A. Etyud k istorii Kerchenskogo muzeya na grani epoch (1918–1921) // Bosporskie issledovaniya. 2021. Vyp. 43. S. 277–305.
- Grinevich K. Arheologicheskie issledovaniya v Kerchi // Novyj Vostok. 1924a. № 6. S. 524–525.
- Grinevich K. E. Novejshie raskopki v Krymu, leto 1924 goda // Krasnyj zhurnal dlya vsekh. 1924b. № 11. S. 847–854.
- Grinevich K. Novyj podhod k Hersonesu // Krasnyj Krym. 1924b. № 162(1080).–18 iyulya. S. 5.
- Kalashnik YU. P. G. D. Belov (1898–1979) // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. SPb., 2005. T. 63. S. 110–113.
- Nepomnyashchij A. A. «YA sobirayus' privat-docentstvovat' v Tavricheskom universitete»: K.E.Grinevich v Krymu (1919–1921) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2017. T. 3(69), № 2. S. 111–122.
- Nepomnyashchij A. A. Professor Mitrofan Dovnar-Zapol'skij: krymskie stranicy biografii // Voprosy istorii. 2019. № 11. S. 175–185.
- Nepomnyashchij A. A. Bosporskij universitet: «Neobkhodimost' sozdaniya takogo centra yavlyayetsya sejchas nasushchnoj potrebnost'yu» // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii / In-t vseobshchej istorii RAN. M., 2020. Vyp. 72. S. 391–404.
- Nepomnyashchij A. A. Sovetskaya istoricheskaya nauka v zerkale lichnykh svyazey: perepiska K.E.Grinevicha i S. F. Platonova (1927–1929) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarnye nauki». 2024. T. 26, № 2. S. 181–193.
- Prohorova T. A. «Dorogoj moj Kotus'ka»: neizvestnoe pis'mo Lavrentiyu Alekseevichu Moiseevu // Antichnye relikvii Hersonesa: otkrytiya, nahodki, teorii: mater. науч. конф. Sevastopol', 18–22 sent. 2023 g. / Gos. ist.-arh. muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij»; Pod red. A.V.Zajkova, D. A. Kostromicheva. Sevastopol'; M.: Buki Vedi, 2023. S. 137–142.
- Sorokina I. A. Rabota arheologicheskogo podotdela v sisteme Narkomprosа RSFSR v 1923–1926 godah: plany i real'nost' // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2019. Vyp. 4. S. 101–108.

Резюме

Продолжено изучение связей одного из крупнейших крымоведов XX века, археолога и музейного деятеля Константина Эдуардовича Гриневича с Керчью и исследованием боспорских древностей. На основе документов рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН восстановлена история организации и состав археологической экспедиции 1924 года, работавшей под руководством К. Э. Гриневича в окрестностях Керчи. В 1924 году историк был назначен Наркоматом просвещения Крымской АССР уполномоченным по делам музеев Севастопольского района и заведующим Херсонесским

археологическим музеем. Однако руководитель Археологический подотдел Музейного отдела Главнауки Наркомата просвещения РСФСР В. А. Городцов не разрешил ему переоформить Открытый лист на исследование Херсонеса, что вынудило Гриневича провести задуманную им экспедицию на Керченском полуострове. Результатом работ стала возможность впервые нанести на карту древний вал и ров, идущий от Азовского до Черного моря и проходящий через Золотой курган в 3 верстах от Керчи, общей длиной около 30 верст. Была установлена связь Золотого кургана с валом и установлена возможная датировка облицовки кургана (в системе «полигональной» кладки типа микенской) эпохой позднего эллинизма и господством римлян. Гриневич пришел к выводу, что Золотой курган использовался как звено в системе укрепления Боспорского царства. Археологи получили приблизительную датировку десяти древних городищ, расположенных вдоль вала. В ходе работ был обнаружен второй ряд укреплений, параллельный основному, идущий по Керченской степи от Катерлезских гор до Золотого кургана. На основе архивных документов показаны обстоятельства, определившие дальнейшую деятельность К. Э. Гриневича в Херсонесе.

Ключевые слова: К. Э. Гриневич, археологическая экспедиция, кримведение, Херсонес, В. А. Городцов.

Summary

The study of connections of one of the largest Krymologists of the XX century, archaeologist and museum worker Konstantin Eduardovich Grinevich with Kerch and the study of Bosporan antiquities was continued. Based on the documents of the manuscript department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, the history of the organization and composition of the archaeological expedition of 1924, which worked under the leadership of K. E. Grinevich in the vicinity of Kerch, has been restored. In 1924, the historian was appointed by the People's Commissariat of Education of the Crimean ASSR as Commissioner for Museums of the Sevastopol region and head of the Chersonesos Archaeological Museum. However, the head of the Archaeological Sub-department of the Museum Department of the Main Science of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, V. A. Gorodtsov, did not allow him to reissue the permit for archaeological excavations and surveys for the study of Chersonesos, which forced Grinevich to conduct the expedition he had planned on the Kerch Peninsula. The result of the work was the opportunity to map for the first time an ancient rampart and moat running from the Sea of Azov to the Black Sea and passing through the Golden Kurgan 3 versts from Kerch, with a total length of about 30 versts. The connection of the Golden Kurgan with the shaft was established and a possible dating of the facing of the mound (in the system of «polygonal» Mycenaean-type masonry) to the era of late Hellenism and the rule of the Romans was established. Grinevich came to the conclusion that the Golden Kurgan was used as a link in the system of strengthening the Bosporan kingdom. Archaeologists have obtained an approximate dating of 10 ancient settlements located along the rampart. During the work, a second row of fortifications was discovered, parallel to the main one, running along the Kerch steppe from the Katerleza Mountains to the Golden Kurgan. Based on archival documents, the circumstances that determined the further activities of K. E. Grinevich in Chersonesos are shown.

Key words: K. E. Grinevich, archaeological expedition, Crimean studies, Chersonesos, V.A.Gorodtsov.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Непомнящий Андрей Анатольевич –
доктор исторических наук,
профессор кафедры археологии и всеобщей
истории Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского; ведущий научный
сотрудник Крымского научного центра
Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан
г. Симферополь, Российская Федерация
dr.aan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nepomniachshiy Andrey Anatolievich –
Doctor of Sciences in History, Professor,
Department of Archeology and World History,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University:
Leading Researcher of the Crimean Scientific Center
of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan (Simferopol).
dr.aan@mail.ru